

ПРЕДЕЛЫ ЯВНО ВЫРАЖЕННОГО ЗАПРЕТА НА СОВЕРШЕНИЕ СДЕЛОК, ПРЕДМЕТОМ КОТОРЫХ ЯВЛЯЮТСЯ ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ

Михаил Анатольевич Ионцев^a

DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-4-83-99

^a Центральный банк Российской Федерации

Аннотация: В статье рассматриваются особенности принятия части 5 статьи 14 Закона о цифровых финансовых активах, которая вводит запрет на совершение сделок, предметом которых является цифровая валюта. Автор анализирует понятие встречного предоставления в связи с теорией синаллагматических отношений, определяет платеж как вид встречного предоставления. Более того, в статье обосновывается тождественность понятий «платеж» и «средство платежа», а также указывается на то, как данные влияют на пределы запрета, введенного на совершение сделок, предметом которых являются цифровые валюты. Рассмотрены вопросы природы цифровых валют и их места в системе объектов гражданского права, при этом подчеркивается, что юридический феномен криптовалюты еще недостаточно исследован, а судебная практика при этом формируется по пути признания цифровых валют абсолютным имущественным правом *sui generis*. Автор статьи обозначает круг лиц и виды цифровых валют, с которыми возможно заключение сделок, предметом которых являются цифровые валюты. Наиболее интригующим аспектом цифровых валют автор считает их возможность целиком изменить устоявшееся представление о деньгах и их обращении.

Ключевые слова: цифровые валюты, запрет, низковолатильные цифровые валюты (стейблкоины), синаллагма, взаимобусловленность обязательств, встречное предоставление, платеж, средство платежа

Дата поступления статьи в редакцию: 18 мая 2024 года.

LIMITS ON THE EXPLICIT PROHIBITION OF TRANSACTIONS INVOLVING DIGITAL CURRENCIES

Mikhail A. Iontsev^a

RESEARCH ARTICLE

^a The Central Bank of the Russian Federation

Abstract: The paper discusses the peculiarities of adopting Part 5 of Article 14 of the Law on Digital Financial Assets, which prohibits digital currency transactions. The author defines payment as a form of counter-provision and examines the idea of counter-provision concerning the theory of synallagmatic relations. The article clarifies the definition of terms «payment» and «means of payment» and highlights how they impact the boundaries of the ban on transactions involving virtual currencies. The article discusses the nature of digital currencies and their place in the system of civil law objects, emphasizing that the legal phenomenon of cryptocurrency has not yet been sufficiently researched, and the judicial practice is formed along the lines of recognizing digital currencies as an absolute property right *sui generis*. The study identifies the variety of people and digital currency types that can be dealt with in digital currency transactions. The author considers the most intriguing aspect of digital currencies to be their ability to completely change the established concept of money and its circulation.

Keywords: digital currencies, prohibition, low-volatility cryptocurrencies (stablecoins), synallagmatic relations, mutuality of obligations, counter-provision, payment, means of payment

Received: May 18, 2024.

Цифровая эпоха

Введение

Одним из современных этапов развития финансового рынка является появление и бурная эволюция его цифрового сегмента, который связан с масштабированием использования технологии распределенного реестра. В первую очередь эта технология активно стала применяться в системе использования платежей и создания новых способов инвестирования, по правовому режиму аналогичных во многом ценным бумагам и производным финансовым инструментам, воплощением которых стали цифровые валюты.

О Bitcoin (далее – BTC) и цифровых валютах заговорили примерно с 2011 года¹, а начиная с 2012 года к ним было приковано внимание большинства средств массовой информации². Всего за одно десятилетие BTC из малоизвестного средства платежа полностью эволюционировал в средство для инвестирования – ценную бумагу или производный финансовый инструмент³, при этом сам BTC лишь отчасти сохранил свою функцию как средства платежа, а попытки расширить использование BTC множатся в геометрической прогрессии. Помимо BTC и его аналогов в настоящее время существуют буквально сотни цифровых валют: Ripple, Ethereum, Litecoin, Monero, TRON и многие другие (в совокупности их принято называть альткоидами). Научный анализ этой новой формы денежных инструментов предпринимают ученые различных направлений, среди технических специалистов особого внима-

ния заслуживают работы, уделявшие пристальное внимание программной составляющей⁴, а среди экономических – труды, сфокусированные на стратегическом влиянии цифровых валют на макроэкономику⁵. Кроме того, автор полагает важным отметить аналитические доклады ведущих центральных банков, посвященные значению и роли цифровых валют в банковской системе⁶, отдельный интерес представляют также работы финансовых аналитиков, посвященные исследованию волатильности таких валют и связанным с ними портфельным инвестициям⁷.

Технология криптовалютной транзакции

BTC – наиболее известная из криптовалют, находящихся в обращении. Он был создан в 2008 году лицом (или, возможно, группой лиц) под псевдонимом Сатоши Накамото. Предложенная Накамото концепция BTC была призвана решить три серьезные проблемы интернет-торговли⁸:

- 1 Bailey Andrew. «Reinventing the wheel (with more automation)». Bank of England. September 3, 2020. <https://www.bankofengland.co.uk/speech/2020/andrew-bailey-speech-on-the-future-of-cryptocurrencies-and-stablecoins>; Keir Thomas. «Could the Wikileaks Scandal Lead to New Virtual Currency?» *PCWorld.com*. December 10, 2010. https://www.pcworld.com/article/213230/could_wikileaks_scandal_lead_to_new_virtual_currency.html; Wallace William. «The rise and fall of bitcoin». *Wired.com*. November 23, 2011. <https://www.wired.com/2011/11/mf-bitcoin/>; Gandel Stephen. «Bitcoins: Does an Internet Currency Mean the Doom of the Dollar.» *Time.com*. June 29, 2011. <http://business.time.com/2011/06/29/bitcoins-does-an-internet-currency-mean-the-doom-of-the-dollar/>
- 2 Stross Randall. «What's coming out of Silicon Valley». *New York Times*. August 23, 2012. <https://bits.blogs.nytimes.com/2012/08/23/whats-coming-out-of-silicon-valley/>; Hale Mike. «Good Wife Watch: Jason Biggs, Jim Cramer and Bitcoin get in on the action». *New York Times*. January 16, 2012. <https://artsbeat.blogs.nytimes.com/2012/01/16/good-wife-watch-jason-biggs-jim-cramer-and-bitcoin-get-in-on-the-action/>
- 3 Строго говоря, сегодня существует несколько вариантов биткоина. Когда в этой статье упоминается биткоин, для простоты речь обычно идет о его самой распространенной разновидности – BTC.
- 4 Narayanan Arvind et al. *Bitcoin and Cryptocurrency Technologies: A Comprehensive Introduction*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016 (авторы проводят обзор работ по вычислительной технике); Li Xiaoqi et al. «A survey on the security of blockchain systems». *Future Generation Computer Systems*. 2017; Li Xiaoqi et al. «A survey on the security of blockchain systems». *Future Generation Computer Systems* (2017); Garay Juan, Aggelos Kiayias and Nikos Leonardos. «The bitcoin backbone protocol: Analysis and applications». *Annual International Conference on the Theory and Applications of Cryptographic Techniques*. March 4, 2019. <https://eprint.iacr.org/2014/765.pdf>
- 5 Bheemaiah Kariappa. *The Blockchain Alternative: Rethinking Macroeconomic Policy and Economic Theory*. New York: Springer Science + Business Media, 2017; Hegadekatti Kartik. «Blockchain Technology – An Instrument of Economic Evolution?» *Evolution Through Blockchain*. March 31, 2017. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2943960>; Davidson Sinclair, Primavera De Filippi, and Jason Potts. «Economics of Blockchain.» *SSRN*. March 8, 2016. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2744751>
- 6 Fiedler Salomon et al. «Financial innovation and monetary policy: Challenges and prospects». *European Parliament Policy Department*. May 2017. http://www.europarl.europa.eu/cmsdata/118906/KIEL_FINAL%20upload.pdf; Raskin Max and David Yermack. «Digital Currencies, decentralized ledgers, and the future of central banking». *NBER Working Papers 22238, National Bureau of Economic Research, Inc.* May 2016. <http://www.nber.org/papers/w22238>; Camera Gabriele. «A perspective on electronic alternatives to traditional currencies.» *Sveriges Riksbank Economic Review 2017*. No. 1. P. 126–148.
- 7 Conlon Thomas, Shaen Corbet & Richard J. McGee. «Are cryptocurrencies a safe haven for equity markets? An international perspective from the COVID-19 pandemic.» *Research in International Business and Finance* 54 (December 2020): 101248.
- 8 Nakamoto. «Bitcoin». <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf>

– транзакционные издержки (для того чтобы стороны транзакции могли доверять друг другу, им требуется финансовый посредник (например, банк), что ведет к расходам на посреднические услуги);

– все транзакции являются обратимыми;

– участники процесса (например, компании, обслуживающие кредитные карты), пытаясь защититься от мошенников, требуют от пользователей больше информации, чем это в действительности необходимо.

Решение, которое предложил Накамото (а до него – Чаум), заключалось в использовании электронной платежной системы, основанной не на посредничестве, а на криптографическом доказательстве. Такое доказательство базируется на одноранговом распределенном сервере временных меток, что позволяет однозначно установить хронологический порядок транзакций. Это дает возможность предотвратить двойное расходование средств и делает все платежи необратимыми. Подлинность транзакции удостоверяется майнерами и валидаторами: они верифицируют транзакцию и сохраняют данные о ней. В качестве вознаграждения за потраченное время и усилия майнеры получают BTC⁹. Как следствие, количество BTC в системе растет. В результате финансовые организации в качестве посредников становятся ненужными, ведь теперь доверяющие друг другу стороны могут взаимодействовать напрямую.

Для выполнения транзакции отправитель должен знать открытый ключ получателя, сумму транзакции и собственный закрытый ключ. (Открытый ключ – это аналог адреса пользователя в системе; закрытый ключ можно сравнить с PIN-кодом для авторизации при перечислении денежных средств.) Отправитель указывает всю необходимую информацию; транзакция объединяется с остальными транзакциями, ожидающими завершения в заданный промежуток времени (продолжительность каждого такого промежутка составляет приблизительно десять минут)¹⁰. А именно, указываются три основных компонента транзакции (открытый ключ получателя, сумма транзакции, закрытый ключ отправителя), затем требуется около десяти минут, чтобы один из

майнеров сумел решить криптографическую задачу, после чего новый блок с информацией о транзакции прикрепляется к цепочке.

Майнеры проверяют, что у отправителя есть право пользоваться счетом, на котором должно быть достаточно средств для выполнения транзакции. Каждый участник сети распределенного реестра верифицирует (то есть проверяет) запрашиваемую транзакцию, руководствуясь правилами валидации конкретного протокола. Такие правила устанавливаются создателями распределенного реестра. Фактически выполняется проверка того, что у отправителя в электронном кошельке есть достаточная сумма для отправки и что она не была выслана по какому-то другому адресу. Подтвержденная транзакция сохраняется и добавляется в цепочку в виде блока, заверенного сгенерированным хеш-кодом¹¹.

Отправитель должен заплатить небольшую комиссию за совершение сделки в сети распределенного реестра. За транзакцию в BTC взимается комиссия в размере 0–2 % от суммы сделки. Для сравнения, дороже всего обходятся платежи по кредитным картам, комиссия по которым составляет 2–3 %. Платежная система PayPal взимает комиссию в размере 2,2–2,9 %. При транзакции в BTC с использованием электронного кошелька в нее включена плата за то, чтобы она была обработана майнером и подтверждена сетью. Соответствующая комиссия поступает майнеру, добывшему блок, в который включена данная транзакция. Когда пользователь расплачивается BTC, баланс его счета уменьшается на величину комиссии. Все транзакции, ожидающие выполнения, объединяются, и майнерам для создания нового блока необходимо решить криптографическую задачу (то есть представить доказательство выполнения работы, о котором говорилось ранее). Сразу после добавления только что созданного блока все новые транзакции передаются на все узлы сети, а цепочка удлиняется на один блок.

Рассмотрим пример простой платежной транзакции: домовладелец А хочет заплатить за выполненную работу подрядчику Б в BTC. До фактического проведения транзакции участник А должен сделать две вещи. Во-первых, ему необходимо выбрать цифровой кошелек – программное приложение, установленное на компьютере / мобильном устройстве или имеющее веб-интерфейс. Такое приложение обеспечивает безопасное хранение платежной информации и паролей пользователей. Это позволяет им быстро совершать покупки с использованием сложных паролей и ключей.

9 Falkon Samuel. Reaction to Elliott, Jeffrey «Why are governments creating their own cryptocurrencies?» *Medium.com*. December 13, 2017. <https://medium.com/@lovelyanarchism/the-total-value-of-all-cryptocurrency-in-circulation-is-now-almost-100bn-4f60ef0962f4>

10 Oguz Tolga et al. «Beyond the Hype: Blockchains in Capital Markets.» *McKinsey Working Papers on Corporate & Investment Banking*. 2015. No. 12. <https://www.mckinsey.com/K/media/McKinsey/Industries/Financial%20Services/Our%20Insights/Beyond%20the%20hype%20Blockchains%20in%20capital%20markets/Beyond-the-hype-Blockchains-in-capital-markets.ashx>

11 Coindesk. «How do Bitcoin transactions work?» January 29, 2018. <https://www.coindesk.com/information/how-do-bitcoin-transactions-work/>

Цифровая эпоха

Информация, используемая в процессе транзакции, включает три компонента: адрес в системе BTC, с которого участник А первоначально получает BTC («вход»), сумма в BTC, которую участник А хочет отправить участнику Б, и адрес в системе BTC участника Б («выход» или «открытый ключ»). Участник Б должен сообщить другим участникам свой открытый ключ (или адрес), так как он нужен для получения BTC. Однако закрытые ключи должны храниться в секрете, поскольку они служат для подписания транзакций. Можно сказать, что BTC-адрес – это имя учетной записи для входа в систему, а закрытый ключ – пароль от учетной записи.

Итак, чтобы иметь возможность получить деньги, участник Б должен сообщить свой адрес участнику А. Получив этот адрес, участник А создает сообщение, включающее адрес, где он первоначально получил BTC, которые хочет сейчас потратить, сумму, которую он планирует отправить участнику Б, и адрес получателя. Эта информация отправляется в сеть пользователей и майнеров для верификации транзакции, то есть для проверки того, могут ли представленные участником А ключи быть использованы для доступа к указанным данным.

Майнинг BTC состоит из пяти этапов. Во-первых, майнеры проверяют, допустима ли транзакция (например, достаточно ли у отправителя А средств для ее выполнения). Во-вторых, данная транзакция (платеж, выполняемый участником А в пользу участника Б) объединяется в блок с транзакциями других участников платежной системы. В-третьих, в этот новый блок вставляется специальная буквенно-цифровая последовательность (хеш), чтобы связать его с предыдущим блоком в цепочке. В-четвертых, майнеры используют свои вычислительные мощности для получения доказательства выполнения работы (PoW). Это специальная криптографическая задача, которая решается методом проб и ошибок. Для ее решения майнеры должны располагать мощным компьютерным оборудованием, необходимыми энергоресурсами для питания этого оборудования и машинным временем. В-пятых, после того как майнер решил задачу PoW, в его локальную цепочку добавляется новый блок, и в сети производится репликация распределенного реестра. За участие в этом процессе майнер, решивший задачу, получает вознаграждение, которое состоит из новых, только что созданных BTC и комиссии за транзакцию, уплачиваемой участником А. Следует учесть, что вознаграждение за майнинг BTC уменьшается вдвое после добавления каждых 210 000 блоков. Это означает, что комиссии за транзакцию играют все более важную роль в общем вознаграждении майнеров.

Участие майнеров предусмотрено BTC-протоколом, в котором для валидации используется метод

доказательства, описанный выше. Этот процесс требует очень большого количества ресурсов, поэтому даже при использовании множества мощных компьютеров по всему миру он занимает порядка десяти минут. После его завершения участник Б может увидеть, что сумма транзакции находится в его кошельке, и получает закрытый ключ для данной транзакции. Ключ автоматически создается и хранится в зашифрованном файле на локальном компьютере этого участника. Если используется кошелек с веб-интерфейсом, то оператор веб-сайта тоже хранит этот ключ¹².

Теперь участник Б получил причитающиеся ему BTC. У него есть три возможности:

- использовать BTC для покупки товаров / услуг или для совершения новых транзакций;
- за небольшую комиссию обменять их на фиатную валюту на одной из бирж цифровых валют;
- пока не выполнять новых транзакций, а просто хранить BTC в своем кошельке для последующего использования или в качестве инвестиции, чтобы получить денежные средства потом.

Возможность совершения сделок с цифровой валютой вызывает не только бурные теоретические, но и правоприменительные споры. В связи с этим автор статьи решил уделить внимание особенностям принятия Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА), в частности, части 5 статьи 14, а также специфике правоприменительной судебной практики.

О понятии цифровой валюты

На настоящий момент федеральное законодательство не содержит понятия «криптовалюта», «виртуальная валюта» и «стейблкоин». Однако частью 3 статьи 1 Закона о ЦФА было введено понятие цифровой валюты. Данное понятие, в частности, обладает сходством до степени смешения с определением цифровых валют, которое содержится в немецком законодательстве, при этом структура определения также сходна с аналогичным определением, содержащимся в Валютно-финансовом кодексе Франции (далее – ФВК).

О видах цифровых валют в зависимости от наличия эмитента (обязанного лица). Во-первых, законодатель указывает, что в отношении любого обладателя цифровой валюты отсутствует лицо, обязанное перед каждым ее обладателем.

По мнению автора, таким образом законодатель намеренно проводит границу между цифровыми

12 How Bitcoin Transactions Work. <https://www.bitcoin.com/info/how-bitcoin-transactions-work>

валютами и теми, у которых есть определимый эмитент, который берет на себя обязанность поддерживать низкую волатильность цифровой валюты (так называемые стейблкоины с определимым эмитентом или централизованные стейблкоины). При этом данная обязанность структурируется следующим образом. Лица, которым принадлежит низковолатильная цифровая валюта, имеют право потребовать от эмитента эквивалент ее стоимости в виде какого-либо иного имущества, если стоимость низковолатильной цифровой валюты становится ниже некоторого определенного уровня. Таким образом, требованию обладателя противостоит обязанность эмитента предоставить имущество. Данные отношения можно квалифицировать как обеспечительные, при этом, по нашему мнению, они могут быть структурированы в виде поручения, гарантии или залога имущества в обороте.

Следует дополнительно отметить, что в отношении цифровых валют, которые поддерживают свою низкую волатильность с помощью системы смарт-контрактов, работающих в системе распределенного реестра (так называемые алгоритмические или децентрализованные стейблкоины), нет эмитента (обязанного лица), поэтому они охватываются определением цифровых валют, указанным в части 3 статьи 1 Закона о ЦФА.

Особенность исключения низковолатильных цифровых валют с определимым эмитентом из регулирования, предусмотренного Законом о цифровых финансовых активах, связана с тем, что такие объекты права требуют отличного специального правового режима, который предусматривал бы, например, порядок представления обеспечения, виды этого обеспечения, специальные требования к эмитенту, требования к составу имущества, являющегося предметом обеспечения, особенности содержания решения о выпуске низковолатильных цифровых валют, особенности надзора и допуска эмитентов. Следует также отметить, что данные цифровые валюты не попадают под запрет, предусмотренный частью 5 статьи 14 Закона о ЦФА, что подтверждает складывающаяся судебная практика¹³.

По итогам рассмотрения круга объектов гражданских прав, в отношении которых распространяется запрет, указанный в части 5 статьи 14 Закона о ЦФА, можно сделать однозначный вывод, что под него не попадают цифровые валюты, в отношении которых есть лица, принимающие на себя, в частности, обязанность поддерживать волатильность цифровой валюты на низком уровне.

Цифровая валюта в системе имущества.

Отсутствие в законодательстве прямого указания на то, что цифровая валюта является отдельным объектом гражданских прав, трактуется судебной практикой как отнесение цифровой валюты к иному имуществу¹⁴. Вопросу природы цифровых валют и ее места в системе объектов гражданского права действительно посвящено достаточно много исследований как в российской доктрине, так и немецкой, и французской. Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в своем экспертном заключении по проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» № 175-2/2018 от 23 апреля 2018 года (далее – заключение Совета по кодификации гражданского права) также отмечает, что «юридический феномен криптовалюты является мало исследованным в современной российской науке гражданского права, находится еще в стадии становления».

Как следует из структуры нормы, изложенной в статье 128 ГК РФ, имущество делится на вещи, иное имущество, включая имущественные права и нематериальные блага. Любая классификация строится по логическим законам дихотомии, в результате которой появляются два элемента деления, которые находятся в контрарно-компланарных отношениях, то есть взаимоисключают и дополняют друг друга, иначе говоря, они противопоставляются.

Однако в структуре указанной статьи видно явное нарушение последовательного деления объектов гражданских прав, которое разработано отечественной цивилистической доктриной. Так, например, еще в римском праве вещи противопоставлялись имущественным правам [Гримм, 2003. С. 203]. Таким образом, можно выделить как минимум два класса объектов гражданских прав, которые будут соответствовать логическим законам классификации. При этом все те объекты, которые невозможно признать ни вещами, ни имущественными правами, относятся к иному имуществу, признаки и свойства которого сложно однозначно определить или выявить [Скловский, 1999. С. 317].

Ниже приведен обзор исследований, которые были посвящены проблеме классификации цифровой валюты как объекта гражданских прав, и приведена оценка возможностей отнесения цифровой валюты к вещам, имущественным правам или иному имуществу.

13 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 сентября 2020 года № 09АП-34756/2020 по делу № А40-3861/2019.

14 Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 мая 2023 года № 18АП-2222/2023 по делу № А07-18385/2020.

Цифровая эпоха

Цифровую валюту невозможно локализовать в физическом пространстве, в связи с чем к ней невозможно применять, например, понятия движимости и недвижимости, индивидуальной определенности и заменимости и др. [Лапач, 2002]. В связи с тем, что цифровая валюта не соответствует признакам вещей, автор полагает, что ее следует исключить из данного класса объектов гражданских прав.

Обратимся далее к имущественным правам и их классификации. Исторически имущественные права делились на вещные и обязательственные, при этом ключевым признаком их различия является возможность противопоставления имущественного права всем третьим лицам [Яковлев, 2009. С. 53–59]. Так, вещные права (собственность, залог, сервитут, usufruct, узус) могут быть противопоставлены всем третьим лицам, и полномочия по распоряжению такими правами практически ничем не ограничиваются [Суханов, 2007. С. 37]. Вместе с тем обязательственные права всегда противопоставлены определенному или определимому кругу лиц, то есть полномочия по их распоряжению связываются и иногда зависят от лица, в отношениях с которым они возникают [Покровский, 2020. С. 208–209].

С выделением в классификации исключительных и корпоративных прав корректно говорить об абсолютных имущественных правах, которые включают вещные и исключительные, а также об относительных имущественных правах, которые включают обязательственные и корпоративные [Гражданское право, 2006].

Рассмотрим возможность отнесения цифровой валюты к одному из видов имущественных прав. Так, ввиду отсутствия лица, которое было бы обязательно по цифровой валюте, следует говорить о том, что цифровая валюта не относится к классу относительных прав.

Однако обладание цифровой валютой может быть противопоставлено всем третьим лицам [Kuhlmann, 2014. Р. 694–695], таким образом, представляется допустимым отнесение цифровой валюты к вещным, исключительным правам или абсолютному праву *sui generis*. Существование вещного права непосредственно связано с существованием вещи в определении, данном выше в статье [Суханов, 2007. С. 45], ввиду отсутствия таковой цифровая валюта не может быть отнесена к классу вещных прав. Однако вещные права могут быть закреплены за любыми вещами, при этом происхождение и создатель конкретной вещи не важны для существования и режима вещного права. Это же связано и с цифровыми валютами, эмиссия которых производится с помощью специального алгоритма или в процессе майнинга, когда невозможно определить создателя блага.

Абсолютные права, существование которых свя-

зано с нематериальными объектами, является исключительным [Комментарий к части четвертой..., 2008]. Так, согласно статье 1226 ГК РФ, исключительные права являются составляющей интеллектуальных прав, которые существуют только при наличии результата интеллектуальной деятельности; среди них в том числе указаны программы ЭВМ или базы данных, они в том числе могут представлять собой определенный набор символов, имеющих внутреннюю структуру или упорядочение.

Закон о цифровых финансовых активах гласит, что цифровая валюта состоит из совокупности электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе распределенного реестра. В данном определении, по мнению автора, законодатель пытается осуществить попытку систематизации и определения места цифровых валют в системе объектов частного права. Безусловно, нельзя говорить, что цифровая валюта является программой для ЭВМ или базой данных в смыслах, придаваемых этим объектам интеллектуальной деятельности 4 частью ГК РФ, однако сложно и отрицать весьма отдаленное, но всё же сходство кода, с помощью которого создаются цифровые валюты, с базами данных или программами ЭВМ. Даже допуская гипотетическое признание цифровой валюты базой данных или программой для ЭВМ, автор полагает, что режим исключительных прав данных объектов не соответствует содержанию правомочий, связанных с распоряжением цифровой валютой.

У объекта интеллектуальных прав должен быть автор, в настоящее время автор может быть как индивидуальным, так и коллективным. Однако у цифровых валют, как уже указывалось выше, невозможно определить автора. Таким образом, следует полагать, что цифровая валюта, если и может быть отдельным объектом интеллектуальной деятельности, то только в качестве отдельного объекта с неопределимым автором. Данное допущение автору кажется весьма условным, так как эмитенты цифровых валют в практике их гражданского оборота не предъявляют авторских прав; более того, эмитенты цифровых валют даже формально не могут быть признаны авторами, так как не соответствуют условиям, предъявляемым частью 2 статьи 1228 ГК РФ.

Таким образом, методом исключения можно сделать вывод, что цифровая валюта – это отдельный, новый вид абсолютных прав, зафиксированный в цифровой форме, существование которого не связано ни с вещью, ни с объектом интеллектуальных прав. Появление цифровых валют, как представляется, меняет классификацию абсолютных прав на объектные и безобъектные. Среди объектных можно выделить вещные и исключительные, а к безобъектным относится только цифровая валюта. Данный

вывод поддерживается не только отечественной правовой доктриной [Будылин, 2023. С. 121–164; Саженев, 2019. С. 157–180; Савельев, 2017. С. 136–153], но и австрийской [Volkel, 2017. Р. 388]. Судебная практика при этом формируется по пути признания цифровых валют абсолютным имущественным правом *sui generis*¹⁵.

Свойства цифровой валюты как объекта гражданских прав. По мнению автора, анализ особенностей такого объекта гражданских прав, как цифровая валюта, следует осуществлять исходя из обязательственных отношений, которые складываются в связи с ее использованием в качестве средства платежа.

Согласно абзацу первому статьи 309 ГК РФ, обязательства считаются исполненными, только когда предоставление было осуществлено в надлежащем порядке, установленном условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями. Денежное обязательство является отдельным видом обязательственных правоотношений, как и его надлежащее исполнение, исходя из системного толкования положений статей 140 и 317 ГК РФ, называется отдельным термином «платеж» или «средство платежа» (следует отметить, что ГК РФ использует данные термины взаимозаменяемо).

При этом в соответствии с частью 2 статьи 140 ГК РФ платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями. Специальные особенности осуществления расчетов регулируются Гражданским кодексом и Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О Национальной платежной системе». Таким образом, несложно сделать вывод о том, что способы расчетов – это виды надлежащего исполнения денежных обязательств, которые осуществляются путем совершения платежа денежного долга с использованием различных форм денег (наличных, безналичных, цифровых) [Рождественская, Гузнов, Ефимова, 2020].

По нашему мнению, понятие денег и их формы не являются юридическими, так как право регулирует всегда какой-то отдельный аспект денег: например, средства платежа (расчетов), регулируется надлежащий порядок исполнения денежных обязательств; средства накопления, регулируются договорные от-

ношения кредита и вклада; средства обмена, регулируются особенности оборота обменных единиц (например, электронных денег). Невозможно вообще дать последовательное правовое определение экономическому термину денег [Борисов, Скорятин, 2021. С. 161–167]. Так, наличные деньги – это вещи, а безналичные – права требования. Однако общее можно найти, когда рассматривается только отдельно взятый (один из вышеперечисленных) аспект денег. Так, например, при рассмотрении денег как средства платежа, действительно, можно выделить общий институт расчетов, которые можно совершать как наличными, так и безналичными деньгами.

Теперь обратимся к понятию формы денег. Данное понятие в экономической теории впервые было предложено меркантилистами, именно они ввели классификацию денег, указав, что только драгоценные металлы могут выполнять функции денег. В дальнейшем данная классификация была развита представителями марксистской политэкономической школы, одним из ключевых постулатов которой является поступательный (формационный) исторический принцип развития экономических явлений. Так, сначала стали выделять разные виды денег, а уже обобщая и классифицируя разные виды в зависимости от причин их появления и свойств, стали выделять формы денег. Хотя и монетаристская, и кейнсианская теории денег тоже восприняли это понятие, однако существенно пересмотрев его смысл, отказавшись от принципа историзма, который принципиально важен для марксистской теории. Таким образом, термины «форма» и «вид» можно отнести к специальным научным, сугубо экономическим терминам, которые преимущественно используются в историко-экономическом и марксистском дискурсе¹⁶.

16 Понятие «форма денег» использованы в Докладе для общественных консультаций по цифровому рублю 2020 года и Концепции цифрового рубля. Несмотря на то, что Доклад и Концепция не носят научного характера, в тексте используются специальные научные термины без ссылок на научный подход, который лежал бы в их основе, и упоминания исследователей и ученых, которые придерживаются конкретного словоупотребления терминов «вид» и «форма денег». Вместе с тем следует отметить, что даже в рамках Доклада термины «вид денег» и «форма денег» используются некорректно и непоследовательно. При этом структурные единицы Доклада используют совершенно самостоятельные, различные классификации форм денег, не связанные друг с другом. Таким образом, в Докладе без должного обоснования, непоследовательно и противоречиво используется специальный научный термин «форма денег», что не позволяет установить его смысл и содержание.

15 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 августа 2021 года № 305-ЭС21-14094 по делу № А41-4212/2020; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2021 года по делу № 88-22837/2021.

Цифровая эпоха

В частности, монетаризм действительно выделяет цифровые валюты как новую форму денег с точки зрения экономики, так как она качественно отличается как от наличных денег, так и от безналичных [Янковский, 2020. С. 43–77]. От наличных денег она отличается тем, что не имеет материального носителя, а от безналичных – отсутствием посредника при осуществлении расчетов, так как расчеты с любым видом цифровой валюты (даже когда есть эмитент, взявший на себя обязательство поддерживать низкую волатильность) осуществляются непосредственно от должника кредитору.

Полагаем, что цифровые валюты могут являться объектом гражданских прав, с помощью которого осуществляются расчеты. Принципиальным условием для того, чтобы объект являлся подходящим для осуществления расчетов, является признание за объектом гражданским правом платежного свойства денег [Ефимова, 2022. С. 33–42], то есть возможности быть выражением стоимости, делимым, универсальным и ликвидным.

Таким образом, можно сказать, что цифровые валюты в экономическом смысле являются третьей формой денег, а в юридическом – объектом гражданских прав, посредством которого можно осуществлять расчеты по платежам.

Цифровая валюта как средство платежа и/или инвестиция. Формулировка нормы-определения указывает через использование союзов «и/или», что объект гражданских прав, который используется в качестве третьей формы расчетов (то есть без посредника и посредством объекта, который не относится к вещам), должен быть либо средством платежа, либо инвестицией, либо одновременно и тем, и другим.

По мнению автора, понятие «инвестиция» является очередным сугубо экономическим термином, которому невозможно дать строго юридического определения [Лисица, 2010. С. 11, 24]. И именно экономическая теория разделяет все имущество одного лица на то, что потребляется и инвестируется [Линдерт, 1992. С. 473]. Таким образом, деньги во вкладе могут считаться инвестициями, как и купля станков, которые окупят себя и дадут прибыли только спустя определенное время [Самуэльсон, Нордхаус, 1997. С. 783]¹⁷.

Данную формулировку, однако, надо толковать совместно с частью 5 статьи 14 Закона о цифровых

финансовых активах, которая вводит запрет на использование цифровой валюты в качестве средства платежа за товары, работы или услуги. Так как наличные и безналичные деньги невозможно отнести к одной из вышеперечисленных категорий, то, видимо, сделка по обмену цифровой валюты на иные виды денег (наличных или безналичных) исключается из указанного запрета и понимается как «инвестиция»¹⁸. Так, судебная практика подтверждает данный вывод, указывая на то, что цифровая валюта может являться объектом распорядительной сделки, которая совершается в рамках договора доверительного управления, и относится судом к категории иного имущества¹⁹.

Вместе с тем, учитывая сходство определения цифровой валюты с тем, что содержалось в законодательстве Германии до принятия Регламента ЕС об обороте цифрового имущества, следует сделать вывод о том, что российский законодатель идет по следам германских коллег, которые руководствовались логикой, описанной выше, предусматривая отдельное регулирование для цифровых валют, используемых как инвестиции или как средства платежа.

Нельзя не отметить и то, что в отечественном правопорядке также содержится специальное регулирование инвестиций и инвестиционной деятельности. Так, согласно части 2 статьи 1 Федерального закона от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее – Закон об инвестиционной деятельности), инвестиции – денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и/или иной деятельности в целях получения прибыли и/или достижения иного полезного эффекта. Таким

18 Карпо Д., Жюйар П. Международное экономическое право / науч. ред. В.М. Шумилов. М., 2002. С. 332–333.

19 Апелляционное определение Московского городского суда от 6 сентября 2023 года по делу № 33-36612/2023: «Согласно пункту 2 статьи 1013 ГК РФ, деньги не могут быть самостоятельным объектом доверительного управления. Переданная в качестве объекта доверительного управления криптовалюта не может быть расценена судом применительно к статье 128 ГК РФ иначе как иное имущество»; Апелляционное определение Московского городского суда от 20 октября 2022 года по делу № 33-41465/2022: «Вместе с тем, согласно пункту 2 статьи 1013 ГК РФ, деньги не могут быть самостоятельным объектом доверительного управления. Переданная в качестве объекта доверительного управления криптовалюта не может быть расценена судом применительно к статье 128 ГК РФ иначе как иное имущество».

17 Согласно абзацу второму части 1 статьи 2 Закона о защите капиталовложений, инвестициями является имущество, имеющее денежную оценку, вкладываемое в объекты предпринимательской и/или иной деятельности в целях получения прибыли и/или достижения иного полезного эффекта.

образом, допустимо использование цифровой валюты в качестве иного имущества, которое «вкладывается» в объекты предпринимательской и/или иной деятельности в целях получения прибыли и/или достижения иного полезного эффекта.

Перейдем теперь к рассмотрению важного юридического признака цифровой валюты, а именно способности данного объекта гражданских прав являться средством платежа. Согласно части 1 статьи 309 ГК РФ, стороны вправе предусмотреть договором правила и порядок надлежащего исполнения обязательства, в том числе денежного. При этом пункт 1 статьи 317 ГК РФ и часть 1 пункта 1 статьи 424 ГК РФ указывают, что денежное обязательство является платежом. Существует несколько уровней признания средства платежа: в силу закона (официальный или публичный) и в силу обычаев делового оборота (договорный или частный).

Принципиальным отличием официальных средств платежа является то, что они обязательны к приему любыми кредиторами при исполнении платежей. Данная особенность в отечественном правовом порядке проявляется в том, что, если кредитор, с которым договорились осуществлять безналичные расчеты с использованием официального средства платежа, отказывается принимать платеж или уклоняется от его получения (например, по причине отсутствия банковского счета в кредитной организации или счета цифрового рубля), то должник может на основании части 2 пункта 1 статьи 140 ГК РФ, которая предписывает обязательность к приему рублей на всей территории Российской Федерации, и части 1 статьи 327 ГК РФ внести причитающиеся с него деньги в депозит нотариуса.

Вместе с тем частные средства платежа – это объекты гражданских прав, предоставление которых согласно условиям договора признаются способом исполнения платежа. Концепция частных средств платежа известна отечественному законодателю. Так, согласно проектируемому пункту 1 статьи 141.2 ГК РФ, которая была предусмотрена проектом федерального закона № 424632-7 (Законопроект о цифровых деньгах), говорится в определении цифровых денег, что они являются объектом гражданских прав, который используется пользователями децентрализованной информационной системы для исполнения платежей. При этом проектируемый пункт 2 статьи 141.2 Законопроекта о цифровых деньгах указывал непосредственно на то, что цифровые деньги не являются официальным средством платежа, то есть не обязательны к приему при осуществлении всех видов платежей, однако в случаях и на условиях, установленных законом, могут использоваться физическими и юридическими лицами в качестве платежного сред-

ства. Частный характер средства платежа подчеркивается и в абзаце втором пояснительной записки к Законопроекту о цифровых деньгах.

Определение цифровой валюты, указанное в части 3 статьи 1 Закона о ЦФА, говорит о том, что цифровая валюта может быть принята в качестве средства платежа. При этом автор отмечает, что определение не ограничивается правовым порядком Российской Федерации. Несмотря на то, что цифровые валюты на сегодняшний день не могут быть приняты в качестве платежа на территории Российской Федерации, тем не менее они могут быть использованы при исполнении платежей в иностранных правовых порядках. Таким образом, все известные на сегодняшний день цифровые валюты, которые широко распространены и обращаются в зарубежных правовых порядках, удовлетворяют свойству, указанному в определении цифровых валют.

О денежной единице как элементе государственного суверенитета. Одно из обязательных свойств цифровой валюты, согласно части 3 статьи 1 Закона о ЦФА, – то, что она не является денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и/или международной денежной или расчетной единицей.

Выше говорилось, что на настоящий момент объектами гражданских прав, которые могут быть официальным средством платежа, являются вещи (наличные деньги) и права требования (безналичные деньги, включая цифровые рубли). При этом как объем количества вещей, так и объем и размер прав требований исчисляется во всех случаях в одной денежной единице – рублях Российской Федерации.

С точки зрения публичного права денежная единица – это мера учета и измерения денежных обязательств, и запрет на создание денежных суррогатов в первую очередь связан с введением иных денежных единиц. Так, используя конкретную денежную единицу (меру измерения долга), государство предписывает всем лицам вести бухгалтерский, финансовый и налоговый учет только в тех единицах, которые разрешены государством. Например, в Сальвадоре цифровая валюта Bitcoin признана законным средством платежа, то есть таким средством платежа, в приеме которого кредитор не вправе отказать должнику, так как погашение долгов в Bitcoin признается надлежащим способом исполнения денежного обязательства. Однако объем (размер) денежных обязательств учитывается и определяется в долларах США, которые признаны в Сальвадоре денежной единицей. Аналогичная ситуация в Центральной Африканской Республике, где Bitcoin признан официальным

Цифровая эпоха

средством платежа, а денежной единицей является только центральноафриканский франк.

В России, согласно части 1 статьи 75 Конституции РФ, денежной единицей является рубль. Данную конституционную норму развивает положение абзаца первого статьи 27 Закона о Банке России, которое указывает, что введение на территории Российской Федерации денежных единиц, отличных от рубля, и выпуск денежных суррогатов запрещаются.

При этом принципиально важно обратить внимание, во-первых, на то, что данная статья относится только к наличному денежному обращению и находится в систематической связи со статьей 29 Закона о Банке России, в связи с чем суррогатами могут быть только такие денежные единицы, которые служат альтернативой наличным деньгам, то есть это такой объект гражданских прав, который всегда является вещью и выполняет одновременно все экономические функции денег: является средством платежа, средством обмена, средством сбережения, *мерой измерения долга* [Голубев, 2007. С. 11]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что денежная единица не является объектом гражданских прав, а лишь определяет их размер. Таким образом, суррогат – это альтернативная мера измерения долгов, запрет на установление которой и устанавливается федеральным законодательством России [Лунц, 1999].

Если понимать термин «суррогат» необоснованно широко, то есть без учета его положения в системе норм Закона о Банке России, одновременно полагая, что денежные суррогаты являются объектами гражданского права, то любые средства платежа, особенно такие, как безналичные деньги и долговые ценные бумаги, например векселя, тоже следует признать суррогатами, которые запрещено выпускать на территории России, что приведет к банковской деятельности, которая осуществляет вторичную эмиссию только в безналичном виде.

Таким образом, следует рассматривать понятие денежной единицы только как понятие сугубо публично-правового регулирования, связанного с исключительным правом публичного субъекта, являющегося частью его суверенитета, устанавливать меру измерения денежных долгов.

Так, например, наряду с евро, который является официальной денежной единицей, в Европе существует более 100 специализированных региональных валют, которые выпускаются местными муниципалитетами или другими учреждениями и могут использоваться в качестве средства платежа только в определенном городе той или иной страны. Некоторые компании даже выплачивают в региональной валюте часть зарплат своим работ-

никам. Говоря шире, в более чем 35 странах мира существует свыше 4 тыс. частных валют, включая золотые и серебряные сертификаты, бартерные кредиты и т.д.²⁰ Часто можно слышать аргумент о так называемой «фрагментации платежной системы», однако ряд ведущих мировых экономик знает опыт создания частных средств платежа, которые увеличивали спрос на официальные средства платежа, ниже в статье приводится краткий обзор таких примеров.

Частные деньги были эмитированы городскими властями в ряде английских населенных пунктов. Так, свой фунт выпустили в 2007 году в Тотнесе, в 2008 – в Льюисе, в 2009 – в Брикстоне и Страуде, в 2012 году – в Бристоле. В каждом из этих случаев идея состояла в том, чтобы людям было легче тратить деньги в своем городе. Например, те, кто работает в Бристоле, могут по желанию получать часть зарплаты в бристольских фунтах²¹. Эмитентом независимой дополнительной валюты, которая используется в Швейцарии в ряде отраслей, является WIR-банк, работающий с 1934 года. Частная валюта, выпускаемая банком, называется «WIR-франком». В сочетании со швейцарским франком она позволяет проводить бивалютные операции. Под залог активов банк выдает своим клиентам кредиты в электронных WIR-франках. При проведении двусторонней транзакции ее участники также могут использовать WIR-франки, что позволяет им восполнить дефицит официальной валюты. Цель WIR-банка, основанного во время Великой депрессии, как раз и заключалась в преодолении дефицита валюты, а также в защите от нестабильности международных финансовых рынков. При этом конвертация WIR-франка в швейцарский франк отсутствует. Еще один пример – химгауэр, локальная частная валюта, выпускаемая в Баварии с 2003 года. В Гонконге банкноты, эмитируемые банками, широко распространены, их можно снять в большинстве банкоматов²².

Об обязанности поддерживать функционирование информационной системы. Инновации, обусловленные цифровыми валютами, в первую очередь связаны со способом реализации электронных записей (денег, контрактов, транзакций). В сфере цифровых валют, как уже говорилось выше, основными инструментами для этого являются технология распределенного реестра и платежная система [Barrdear, Kumhof, 2022]. Говоря простым

20 https://en.wikipedia.org/wiki/Private_currency

21 Morris, Steven. «Mayor to take salary in Bristol pounds.» *The Guardian*. November 20, 2012. <https://www.theguardian.com/uk/2012/nov/20/mayor-salary-bristol-pounds>

22 https://en.wikipedia.org/wiki/Private_currency

языком, распределенный реестр – это база данных, которая распределена между узлами сети и совместно управляется ими²³. У такой системы, как правило, нет центрального контролирующего органа²⁴. В распределенном реестре данные не хранятся централизованно, как в традиционных системах. Вместо этого используются отдельные компьютеры, объединенные в сеть (так называемые узлы)²⁵. В реестре имеется ссылка на место, где записана информация о том или ином активе – BTC, акциях, облигациях, собственности на жилье или регистрации компании. При обновлении реестра с компьютеров, входящих в систему, производится голосование относительно предлагаемых изменений. Если большинство голосует за принятие этих изменений и достигается консенсус, то последняя версия снова сохраняется децентрализованно.

В нашем обществе доверие традиционно связывается с институтом специальных посредников, роль которых могут выполнять, например, депозитари и держатели реестров. Технология DLT устраняет необходимость в центральном органе, который защищает информацию от искажений и подтверждает ее достоверность. Благодаря этому можно избавиться от посредников и установить доверительные отношения в децентрализованной системе.

Понятие «технология распределенного реестра» охватывает все виды децентрализованных протоколов, а не только блокчейн-протоколы, использующие биткоин и его разновидности. Кроме блокчейна, существуют другие технологии DLT – IoT/A/Tangle, Hashgraph, Nano (ранее – RaiBlocks), peaq²⁶. В распределенном реестре содержится набор правил доступа, владения информацией, просмотра транзакций и их подтверждения. Например, в случае BTC кто угодно может просматривать любые транзакции²⁷.

Фактически распределенный реестр представляет собой упорядоченную цепочку «блоков». Каж-

дый такой блок содержит список транзакций (например, платежей). У каждого участника хранится копия всей цепочки с историей всех транзакций, совершенных с момента создания этого распределенного реестра. Данные всех участников синхронизированы благодаря механизму непрерывного обновления [Wright, De Filippi, 2015]. Таким образом, распределенный реестр представляет собой распределенную базу данных транзакций, которая реплицируется между всеми участниками через одноранговую сеть, работающую в режиме реального времени.

Распределенный реестр состоит из блоков, связанных между собой в хронологически упорядоченную цепочку. Каждый блок состоит из трех компонентов [Burelli et al., 2015]:

- ссылка на предыдущий блок;
- сведения о транзакции;
- уникальное случайное число²⁸.

Технически блоки соединяются в цепочку с помощью криптографических хешей. Каждый блок содержит хеш предыдущего блока, поэтому попытка изменить какой-либо блок сразу приводит к несоответствию со следующим блоком. Основная идея такого подхода изначально заключалась в том, чтобы сделать распределенный реестр неизменяемым и тем самым защитить его от переписывания прошлого содержимого [Xu et al., 2017]²⁹.

Поскольку копия всей цепочки блоков есть у каждого участника, сохраненные данные прозрачны для всех пользователей. Каждый из них может видеть адреса и транзакции всех других участников. Тем не менее в зависимости от имеющейся конфигурации пользователи не в состоянии определить, какое лицо или организация соответствует конкретному адресу. Доступ к распределенному реестру обеспечивается криптографией с открытым ключом, а у каждого участника имеется открытый и закрытый ключ. Открытый ключ используется как адрес участника в распределенном реестре (фактически это полный аналог номера расчетного

23 Mills D. C. et al. Distributed ledger technology in payments, clearing, and settlement. *FEDS Working Paper*. 2016. No. 2016-095. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2881204

24 BBVA. What is the difference between DLT and blockchain? April 26, 2018. <https://www.bbva.com/en/difference-dlt-blockchain/>

25 <https://www.worldbank.org/en/topic/financialsector/brief/blockchain-dlt>

26 Shaan Ray. The Difference Between Blockchains & Distributed Ledger Technology. *Towards Data Science*. February 20, 2018. <https://towardsdatascience.com/the-difference-between-blockchains-distributed-ledger-technology-42715a0fa92>

27 Federal Reserve Boston. Distributed Ledger Technology: An Explainer with Jim Cunha. <https://www.youtube.com/watch?v=DetlqhGYXZ4>

28 Это один из трех компонентов криптографической хеш-функции. Комбинация трех компонентов, перечисленных выше, используется для создания хеш-кода. Этот код содержит всю исходную информацию, но при этом его невозможно обратить, то есть извлечь исходные данные из хеша. Невозможно также узнать заранее на основе исходной информации, каким в результате окажется хеш.

29 Однако на практике ситуация оказалась сложнее: в 2016 году свойство неизменяемости было опровергнуто, поэтому в 2018 году Национальный институт стандартов и технологий США отказался от использования этого термина применительно к блокчейну.

Цифровая эпоха

счета), закрытый – для подписания транзакций (полный аналог пин-кода от личного кабинета в банковском приложении).

На практике несколько блоков зачастую генерируются одновременно, и тогда всем участникам необходимо договориться, какой из блоков будет добавлен в конец цепочки. Достижение консенсуса (что очень важно для безопасности системы) в распределенном реестре может быть реализовано разными способами.

В открытом распределенном реестре доступ к нему и возможность мониторинга транзакций есть у каждого участника. Все пользователи могут просматривать транзакции и участвовать в процессе достижения консенсуса. Большинство цифровых криптовалют являются публичными. Любая сторона, предлагающая внести новые данные в реестр, обязана доказать, что она затратила (дорогостоящие) усилия по верификации своего предложения. Верификаторы транзакций (в частности, майнеры) конкурируют друг с другом, пытаясь получить криптографическое доказательство выполнения работы. Блок того участника, который продемонстрировал такое доказательство первым, и будет подтвержден [Barrdear, Kumhof, 2022].

Механизм консенсуса в распределенном реестре обеспечивается с помощью доказательства выполнения работы (PoW) или появившегося позднее доказательства доли владения (PoS)³⁰. PoW – математическая задача криптографии, которая решается методом проб и ошибок. Участники сети, пытающиеся ее решить, называются майнерами, а процесс создания новых блоков – майнингом (в случае PoS иногда используется термин «форжинг»). Процесс преобразования всей информации, содержащейся в одном блоке цепочки, в стандартный криптографический хеш называется хешированием. Хеш состоит из буквенно-цифровой последовательности, которая является случайной. Поэтому на основе исходной информации невозможно предсказать результат хеширования. Невозможно также обратить хеш, то есть извлечь из него исходные данные. Все это повышает защищенность системы. Сгенерированный хеш сравнивается с пороговым значением. Если он меньше этого значения, это означает, что майнер действительно представил доказательство выполнения работы. В этом случае новый блок добавляется к цепочке и передается всем узлам сети. Майнеры, вложившие свои вычислительные мощности в создание нового блока, получают за это вознаграждение в виде дополнительных цифровых валют [Burelli et al., 2015].

Сами транзакции открыты для просмотра, то есть их содержание не является анонимным. Однако стороны этих транзакций сохраняют анонимность (или, точнее, скрыты под псевдонимами)³¹.

Закон о ЦФА среди признаков цифровых валют также указывает на то, что в отношении любого обладателя цифровых валют есть некое лицо, которое несет обязанность обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам. При этом к таким лицам относятся оператор данной системы и/или узлы информационной системы. Однако закон не указывает на вид обязанности в узком смысле слова и основания ее возникновения. По своей природе такая обязанность не устанавливает для управомоченного лица ни притязания на исполнение, ни права на возмещение убытков в случае их нарушения [Егоров, 2011. С. 241–274].

Пункт 1 статьи 8 ГК РФ устанавливает открытый перечень оснований возникновения гражданских обязанностей, так, например, подпункт восьмой указанного пункта гласит, что обязанности могут возникать вследствие иных действий граждан и юридических лиц.

Таким образом, можно предположить, что основание возникновения обязанности оператора или узла информационной системы появляется в связи с их действиями, связанными с осуществлением выпуска цифровой валюты.

О явном запрете, указанном в части 5 статьи 14 Закона о цифровых финансовых активах

В отечественной доктрине вслед за немецкой цивилистической традицией выделяется несколько видов запретов. При этом следует отметить, что императивность норм в сфере обязательственного права сводится к запрету устанавливать условия, отличные от тех, что предписаны договором. Запреты могут быть двух видов: явно выраженные и неявные [Рыжик, 2023. С. 23–31]. Например, прямое указание на недопустимость осуществления действий говорит о явном запрете. Косвенный запрет может проявляться, например, в некоторых сферах публичного права в виде отсутствия порядка реализации правомочия или права.

Косвенные запреты – результат интерпретации, и во многом они связаны с правовой политикой, проводимой правоприменителем, поэтому о них

30 Относительно разницы двух концепций см.: <https://blockgeeks.com/guides/proof-of-work-vs-proof-of-stake/>

31 Emerging Technology from the arXiv. Bitcoin Transactions Aren't as Anonymous as Everyone Hoped. *MIT Technology Review*. August 23, 2017. <https://www.technologyreview.com/2017/08/23/149531/bitcoin-transactions-arent-as-anonymous-as-everyone-hoped/>

сложно судить без наличия практики как таковой. Например, Президиум Верховного Суда Российской Федерации в «Обзоре судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств» от 22 мая 2013 года указал, что запрет является императивным, поскольку не сопровождается оговоркой «если иное не предусмотрено договором». Позже Верховный Суд РФ выразил позицию, развивающую регулирование косвенных запретов, указав в «Обзоре судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга)» от 27 октября 2021 года, что *«при отсутствии в норме, регулирующей права и обязанности по договору, явно выраженного запрета установить иное, она является императивной, если исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов, недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон либо императивность нормы следует из существа законодательного регулирования данного вида договора»*. При этом, согласно пункту 75 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», *«само по себе несоответствие сделки законодательству или нарушение ею прав публично-правового образования не свидетельствует о том, что имеет место нарушение публичных интересов»*.

Далее в статье речь пойдет о явно выраженном запрете, то есть такой норме, которая в своей гипотезе прямо указывает на невозможность осуществления каких-либо юридических действий. О политико-правовой целесообразности введения такого запрета высказался весьма точно Совет по кодификации гражданского права при Президенте Российской Федерации в своем заключении на законопроект о цифровой валюте, указав, что *«верным является лишь то, что запрет или избыточное стеснение свободы оборота криптовалюты не представляется целесообразным. Поскольку этот актив существует только в распределенном реестре сети "Интернет", запрет на его использование не может быть эффективным ввиду легкости его обхода. Развитие регулирования в этой сфере, видимо, должно исходить из обеспечения максимальной информированности о высоком риске данного финансового авуара, обеспечения максимальных гарантий сторон при осуществлении сделок с ним, предотвращения злоупотреблений и т.д.»*.

Итак, частью 5 статьи 14 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные

акты Российской Федерации» установлен запрет принимать цифровую валюту в качестве средства платежа. Ниже в статье будут рассмотрены субъекты и виды сделок, на которых такой запрет распространяется.

О субъектах, на которые распространяется запрет. В запрете указано, что он распространяется как на юридических, так и на физических лиц. При этом среди юридических указаны следующие.

Во-первых, юридические лица, личным законом которых является российское право. Так, по общему правилу, согласно пункту 1 статьи 1202 ГК РФ, личным законом юридического лица считается право страны, где учреждено юридическое лицо.

Вместе с тем запрет распространяется также и на созданные на территории Российской Федерации филиалы, представительства и иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, компаний и других корпоративных образований, обладающих гражданской правоспособностью. Однако согласно части 1 статьи 1 Федерального закона от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», под «созданием» понимается регистрация юридического лица в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

Таким образом, круг субъектов, который описывает юридические лица, сформулирован тавтологично [Асосков, 2016. С. 113] и дважды разными словами описывает один и тот же круг лиц – лица, личным законом которых является право Российской Федерации.

Рассмотрим теперь физические лица, которые подпадают под указанный запрет. Здесь законодатель указывает лишь один признак – фактическое нахождение в Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев. Автор отмечает, что круг физических лиц совпадает до буквы с понятием налоговых резидентов [Юлгушева, 2021. С. 126–137], которое указано в пункте 2 статьи 207 Налогового кодекса Российской Федерации. Таким образом, гражданство страны, место рождения или жительства физического лица не имеют значения для целей указанного запрета. Следует отметить, что указание подобного запрета крайне неудобно с точки зрения правоприменения, так как в суде при признании сделки ничтожной истец, оспаривающий сделку, должен будет доказать, что его противоположная сторона не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев находилась в России. Учитывая конституционную гарантию на тайну личной жизни, включая перемещение, представляется практически невозможным осуществить предоставление допустимых доказательств.

Цифровая эпоха

О сделках, на которые распространяется запрет. Часть 5 статьи 14 Закона о ЦФА необходимо толковать совместно с частью 1 статьи 423 ГК РФ, в которой вводится определение возмездного договора, а именно: договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей, является возмездным [Пензин, 2022. С. 140–161; Бондаренко, 2016. С. 158–165]. Таким образом, законодательный запрет в первую очередь затрагивает возмездные договоры.

При этом явно ограничивает право лиц совершать односторонние распорядительные сделки с цифровой валютой как оферты, так и акцепта. Так, закон указывает, что лица «не вправе принимать цифровую валюту». Вместе с тем, хотя законодатель явно и не пишет о том, что лица не вправе «передавать» цифровую валюту, то есть совершать зеркальное с точки зрения экономики действие с цифровой валютой по отношению к «приему», но в дальнейшем, играя с местоимениями и знаками препинания «ими (им)», используя разные падежи личного местоимения «они», всё же наводит читателя на мысль о том, что нельзя ни принимать, ни передавать.

Формулировка запрета указывает на взаимную обусловленность предоставлений, которые осуществляют лица. Так, цифровые валюты предоставляются в оплату за предоставленные товары, работы или услуги, таким образом, запрет явно распространяется только на синаллагматические договоры, то есть такие, когда имеет место двусторонне обязывающий возмездный договор, по которому предметом взаимных обязательств сторон является предоставление друг другу неких экономических благ (встречных предоставлений) [Исполнение и прекращение обязательства..., 2022].

Законодатель указывает в запрете на то, что цифровую валюту нельзя принимать в качестве встречного предоставления или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров, работ или услуг. Данная формулировка представляется тавтологичной, так как любой способ оплаты товаров, работ и услуг также является встречным предоставлением за указанные переданные товары и предоставленные работы и услуги [Дерюгина, 2023. С. 13–16]. Таким образом, представляется, что законодатель дважды повторяет запрет на осуществление встречного предоставления по взаимным договорам в виде цифровой валюты.

Сделки, которые не затрагивает запрет. Во-первых, запрет не касается сделок покупки цифровых валют за наличные или безналичные деньги, так как деньги, согласно статье 140 ГК РФ и статье

28 Закона о Банке России, не признаются товаром.

Во-вторых, договор не затрагивает безвозмездные договоры³², так как они не предполагают вторичности предоставления.

В-третьих, запрет не распространяется на односторонние сделки, таким образом, цифровые валюты можно наследовать без ограничений.

В-четвертых, запрет не распространяется на публичное обещание награды. Как отмечал О.С. Иоффе, «договора здесь нет не только потому, что первая сделка в отличие от оферты не имеет конкретного адреса, а обращена к неопределенному кругу лиц, но и потому, что вторая сделка в отличие от акцепта тоже в большинстве случаев может быть совершена неопределенным множеством лиц» [Иоффе, 1975. С. 783].

В-пятых, допустимо предоставление компенсации в цифровых валютах в связи с причинением деликта [Кривцов, 2015. С. 157–203; С. 139–184; 2016. С. 175–221].

Объекты запрета. Запрет, сформулированный в Законе о цифровых финансовых активах, перечисляет ограниченный круг объектов гражданских прав, за отчуждение которых нельзя принимать цифровую валюту в качестве средства платежа. При этом весьма сложно определить, какой круг объектов гражданских прав понимается под «товаром»? Охватывает ли это понятие недвижимые вещи и исключительные права, вопрос открытый, так как судебная практика в применении разных положений законов по-разному трактует понятие товаров.

Так, согласно пункту 1 статьи 4 Закона о защите конкуренции, товар – объект гражданских прав (в том числе работа, услуга, включая финансовую услугу), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот. При этом судебная практика под «товаром» понимает вообще любые объекты гражданских прав³³.

Если политико-правовая цель запрета сводилась к ограничению на совершение расчетов в цифровых валютах в розничном секторе экономики, то понятие товаров следует трактовать узко. Более того, системное толкование положений федерального законодательства, регулирующего инвестиционную деятельность в Российской Федерации,

³² Если отсутствуют доказательства наличия воли сторон передать имущество без какого-либо встречного предоставления, а также безвозмездность не следует из закона, иных правовых актов или существа отношений, сделка по передаче имущества признается возмездной (постановление Президиума ВАС РФ от 8 сентября 2009 года № 5477/09).

³³ Определение Верховного Суда РФ от 30 сентября 2022 года № 305-ЭС22-13469 по делу № А40-252787/2020.

позволяет покупать за цифровые валюты любые объекты гражданских прав, если эти объекты являются предметами инвестирования.

Следует отметить, что цифровые валюты в силу их экономических особенностей, связанных с волатильностью, редко используются в качестве средства платежа, так как с точки зрения экономики невыгодно использовать волатильные цифровые валюты, неудобно использовать их в качестве средства платежа, если момент заключения и исполнения обязательственной сделки не совпадают. Неудобство это обусловлено тем, что платеж по долгам из обязательства, которое возникло существенно раньше, будет нести на себе существенные риски изменения курса цифровой валюты, и чем более она волатильна, тем сильнее будет меняться ценность взаимного предоставления, предусмотренного обязательственной сделкой. Единственным видом цифровых валют, которые целесообразно использовать в качестве средства платежа, являются так называемые алгоритмические стейблкоины, постоянная ценность которых поддерживается с помощью специальных алгоритмов (системы смарт-контрактов). При этом с точки зрения права алгоритмические стейблкоины соответствуют определению цифровых валют, установленному Законом о ЦФА, и запрещены для использования при расчетах. Данный запрет, как указывалось выше, влечет ничтожность распорядительной сделки.

Литература

- Асосков А.В. Личный закон юридического лица: комментарий к статье 1202 Гражданского кодекса Российской Федерации. *Вестник гражданского права*. 2016. № 2. С. 113–137. EDN: VURIFD
- Бондаренко Д.В. Денежное требование как предмет договора финансирования под уступку денежного требования: некоторые вопросы. *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2016. № 1 (46). С. 158–165.
- Борисов А.М., Скорятин Д.К. Криптовалютные отношения и развитие цифровых технологий оборота финансовых активов в России. *Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник*. Вып. 16. Ч. 2: XII Международная научно-практическая конференция «Регионы России: Стратегии развития и механизмы реализации приоритетных национальных проектов и программ», конференция «Научно-технологическое развитие России: приоритеты, проблемы, решения». РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2021. Ч. 2. С. 161–167. EDN: KTAHMJ
- Будылин С.Л. Деньги: экономическая функция и правовая природа. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2023. № 7. С. 121–164. <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2023-18-7-121-164>. EDN: KAZNND
- Голубев С.А. Точка перехода. Россия 1917–1923 годы (Исторические хроники). М.: РАЕН, 2007.

Заключение

Возможно, самый интригующий аспект цифровых валют – то, что они вот-вот перевернут устоявшиеся представления о деньгах и их обращении – представления, которые почти не изменились на протяжении десятилетий и с которыми свыклись приверженные традициям люди и учреждения. Уже скоро привычные средства денежного обмена будут преобразованы под влиянием цифровой эпохи. Это приведет к захватывающим изменениям денег как товара. Появятся наличные деньги, которые будут приносить проценты или вознаграждение. Деньги, на которые некоторые люди (например, с низким доходом) смогут купить больше товаров. Не исключено и появление валют, которые можно будет погасить дистанционно по распоряжению правоохранительного органа, на основании решения суда или при выявлении налоговой задолженности. Возможно, что потребительский налог или налог на продажи будет взиматься при совершении транзакции автоматически.

Может быть, настало время для совместного существования разных классов цифровых валют. Почему, собственно, должен быть только один вид денег? Возможно появление отдельных категорий таких валют: низковолатильные – для торговли, а спекулятивные – для инвестиций³⁴.

34 Buterin V. The Search for a Stable Cryptocurrency. *Ethereum Blog*. November 11, 2014. <https://blog.ethereum.org/2014/11/11/search-stable-cryptocurrency/>

- Гражданское право: Учебник: В 4 т. / Под ред. Е.А. Суханова. М.: Волтерс Клувер, 2006.
- Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / Под ред. и с пред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003.
- Дерюгина Т.В. О цифровом финансовом активе как инвестиции и запрете встречного предоставления: коллизии правового регулирования. *Гражданское право*. 2023. № 1. С. 13–16.
- Ефимова Л.Г. Совершенствование теории денежных обязательств в эпоху цифровой экономики. *Право и цифровая экономика*. 2022. № 3. С. 33–42. <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2022.17.3.033-042>. EDN: EXKKLG
- Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975.
- Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022.
- Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право / науч. ред. В.М. Шумилов. М., 2002.
- Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Под ред. А.Л. Маковского. М., 2008.
- Кривцов А.С. Общее учение об убытках. *Вестник гражданского права*. 2015. № 5. С. 157–203; № 6. С. 139–184; 2016. № 1. С. 175–221. EDN: UXAUUV

Цифровая эпоха

- Лапач В.А. Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика. СПб., 2002.
- Линдерт П.Х. Экономика мирохозяйственных связей / Пер. с англ.; Общ. ред. и предисл. О.В. Ивановой. М.: Прогресс, 1992.
- Лисица В.Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Новосибирск, 2010.
- Луцк Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999.
- Пензин М.И. Встречное удовлетворение в английском праве: понятие, содержание и соотношение со смежными правовыми институтами в зарубежном и российском праве. Закон. 2022. № 6. С. 140–161. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-6-140-161>
- Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020.
- Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г. Частное банковское право: учебник, М.: Проспект, 2020. <https://doi.org/10.31085/9785392310067-2020-776>. EDN: VGZWNM
- Рыжик А.В. Гражданско-правовые интересы частных лиц: понятие и виды. Цивилист. 2023. № 3. С. 23–31. EDN: ZMBLCQ
- Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав. Закон. 2017. № 8. С. 136–153. EDN: ZEVTNH
- Саженов А.В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: монография / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019.
- Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д. Экономика. М.: Бином, 1997.
- Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М., 1999.
- Суханов Е.А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // Актуальные проблемы права собственности: Материалы научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся (Москва, 25 октября 2006 г.). М.: Юриспруденция, 2007.
- Юлгушева Л.Ш. Перспективы развития института налогового резидентства физических лиц в Российской Федерации. Журнал российского права. 2021. № 3. С. 126–137. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.039>
- Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. М., 2009.
- Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги. Право. 2020. № 4. С. 43–77. <https://doi.org/10.17323/2072-8166-2020-4-43-77>
- Barrdear J., Kumhof M. The Macroeconomics of Central Bank digital currencies. Journal of Economic Dynamics and Control. 2022. Vol. 142. 104148. <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2021.104148>. In English
- Burelli F., John M., Cenci E., Otten J. Blockchain and Financial Services Industry Snapshot and Possible Future Developments. Innovalue & Locke Lord. July 2015. <https://www.the-blockchain.com/docs/Locke%20Lord%20Blockchain%20in%20Financial%20Services%202015.pdf>. In English
- Kuhlmann N. Bitcoins – Funktionsweise und rechtliche Einordnung der digitalen Währung. Computer und Recht. 2014. P. 694–695. <https://doi.org/10.9785/cr-2014-1007>
- Volke O. Privatrechtliche Einordnung virtueller Währungen. BankArchiv – ÖBA. 2017. No. 6. P. 388.
- Wright Aaron, Primavera De Filippi. Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia. SSRN. March 20, 2015. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2580664. In English
- Xu Xiwei et al. A Taxonomy of Blockchain-Based Systems for Architecture Design // IEEE International Conference on Software Architecture. April 2017. https://www.researchgate.net/publication/314213262_A_Taxonomy_of_Blockchain-Based_Systems_for_Architecture_Design. In English

References

- Asoskov A.V. Personal statute of a legal entity: commentary on article 1202 of the Civil Code of the Russian Federation. Vestnik grazhdanskogo prava. 2016. No. 2. P. 113–137. EDN: VURIFD. In Russian
- Bondarenko D.V. The monetary claim as a subject of the factoring contract: some issues. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2016. No. 1 (46). P. 158–165. In Russian
- Borisov A.M., Skoryatin D.K. Cryptocurrency relations and development of digital technologies of financial asset turnover in Russia. Rossiya: Tendentsii i perspektivy razvitiya. Yezhegodnik. Issue 16. Part 2: XII International Scientific and Practical Conference «Regions of Russia: Development Strategies and Mechanisms of Implementation of Priority National Projects and Programs», «Scientific and Technological Development of Russia: Priorities, Problems, Solutions» Conference. Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Department of Scientific Cooperation; ed. by V.I. Gerasimov. Moscow, 2021. Part 2. P. 161–167. EDN: KTAX-MJ. In Russian
- Budylin S.L. Money: economic function and legal nature. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. 2023. No. 7. P. 121–164. <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2023-18-7-121-164>. EDN: KAZNND. In Russian
- Carro D., Juillard P. International Economic Law / scientific editor V.M. Shumilov. Moscow, 2002. In Russian
- Civil Law: Textbook. In 4 volumes / ed. by E.A. Sukhanov. Moscow: Volters Kluver, 2006. In Russian
- Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (chapter by chapter) / ed. by A.L. Makovsky. Moscow, 2008. In Russian
- Deryugina T.V. On digital financial assets as an investment and the prohibition of counter-provision: conflicts of legal regulation. Grazhdanskoye pravo. 2023. No. 1. P. 13–16. In Russian
- Efimova L.G. Improving the theory of monetary obligations in the era of the digital economy. Pravo i tsifrovaya ekonomika. 2022. No. 3. P. 33–42. <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2022.17.3.033-042>. EDN: EXKKLG. In Russian
- Ioffe O.S. Law of obligations. Moscow, 1975. In Russian
- Golubev S.A. Transition point. Russia 1917–1923 (Historical chronicles). Moscow: RAEN, 2007. In Russian
- Grimm D.D. Lectures on the Dogma of Roman Law / edited and with a preface by V.A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo, 2003. In Russian
- Krivtsov A.S. General doctrine of damages. Vestnik grazhdanskogo prava. 2015. No. 5. P. 157–203; No. 6. P. 139–184; 2016. No. 1. P. 175–221. EDN: UXAUUV. In Russian

- Kuhlmann N. Bitcoins: Bitcoins: Functionality and legal classification of the digital currency. *Computer und Recht*. 2014. P. 694–695. <https://doi.org/10.9785/cr-2014-1007>. In German
- Lapach V.A. The system of objects of civil rights: theory and judicial practice. St. Petersburg, 2002. In Russian
- Lindert P.Kh. Economy of world economic relations. / translated from English; general editor and foreword by O.V. Ivanova. Moscow: Progress, 1992. In Russian
- Lisitsa V.N. Legal regulation of investment relations: theory, legislation and application practice: Abstract of the dissertation of the Doctor of Law. Novosibirsk, 2010. In Russian
- Lunts L.A. Money and monetary obligations in civil law. Moscow: Statut, 1999. In Russian
- Penzin M.I. Countervailing consideration in English law: the concept, content and relationship with related legal institutions in foreign and Russian law. *Zakon*. 2022. No. 6. P. 140–161. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-6-140-161>. In Russian
- Performance and termination of an obligation: commentary to Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation / A.O. Batishchev, A.A. Gromov, A.G. Karapetyan, et al.; ed. By A.G. Karapetyan. Moscow: M-Logos, 2022. In Russian
- Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. Moscow: Statut, 2020. In Russian
- Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G., Efimova L.G. Private banking law: textbook, Moscow: Prospekt, 2020. <https://doi.org/10.31085/9785392310067-2020-776>. EDN: VGZWNM. In Russian
- Ryzhik A.V. Civil law interests of individuals: concept and types. *Tsvilist*. 2023. No. 3. P. 23–31. EDN: ZMBLCQ. In Russian
- Samuelson P.A., Nordhaus V.D. Economics. Moscow: Binom, 1997. In Russian
- Saveliev A.I. Cryptocurrencies in the system of objects of civil rights. *Zakon*. 2017. No. 8. P. 136–153. EDN: ZEVTNH. In Russian
- Sazhenov A.V. Cryptocurrencies as a new kind of incorporeal things // Modern information technologies and law: monograph / Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law / ed. by E.B. Lauts. Moscow: Statut, 2019. In Russian
- Skvovsky K.I. Property in civil law. Moscow, 1999. In Russian
- Sukhanov E.A. On the concept and types of property rights in Russian civil law // Current issues of property law: Materials of scientific readings in memory of Professor S.N. Bratus (Moscow. October 25, 2006). Moscow: Yurisprudentsiya, 2007. In Russian
- Volkel O. Private law classification of virtual currencies. *BankArchiv – ÖBA*. 2017. No. 6. P. 388. In German
- Yakovlev A.S. Property rights as objects of civil legal relations. Theory and practice. Moscow, 2009. In Russian
- Yankovsky R.M. Cryptocurrency in Russian law: surrogates, «other assets» and digital money. *Pravo*. 2020. No. 4. P. 43–78. <https://doi.org/10.17323/2072-8166-2020-4-43-77>. In Russian
- Yulgusheva L.Sh. Prospects for the development of the institute of individuals' tax residency in the Russian Federation. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2021. No. 3. P. 126–137. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.039>. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Михаил Анатольевич Ионцев, кандидат наук, преподаватель-исследователь Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, руководитель направления Центра правового сопровождения цифровизации на финансовом рынке (на правах Управления) Юридического департамента Центрального банка Российской Федерации (Российская Федерация, 107016, Москва, ул. Неглинная, 12, корп. В). E-mail: mikhail.iontsev@gmail.com

Для цитирования: Ионцев М.А. Пределы явно выраженного запрета на совершение сделок, предметом которых являются цифровые валюты. *Государственная служба*. 2024. № 4. С. 83–99.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Mikhail A. Iontsev, Ph.D., Research Lecturer at The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Head of the Legal Support Center for Digitalization in the Financial Market (on the Rights of the Office) of the Legal Department The Central Bank of the Russian Federation (12, bldg. V, Neglinnaya St., Moscow, 107016, Russian Federation). E-mail: mikhail.iontsev@gmail.com

For citation: Iontsev M.A. Limits on the explicit prohibition of transactions involving digital currencies. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2024. No. 4. P. 83–99.